

ЛЕВ СИМКИН

**СОЛДАТЫ
ВОЗМЕЗДИЯ**

**ОХОТА
НА НАЦИСТСКИХ
ПАЛАЧЕЙ**

Москва

И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

А. С. Пушкин

ЖЕСТОКОВЫЙНЫЕ

«Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым — вы народ жестоковыйный». Жестоковыйный — относится к тем словам, которые означают вовсе не то, что на первый взгляд кажется. Жестоковыйный — это не жестокий, а непослушный, непокорный, своевольный. В основе жестоковости, — написано у Брокгауза, — лежит образ упряжного животного, которое не сгибает выю (шею) и не дает надеть на себя упряжь. И еще, возможно, добавил бы я от себя, — не прощающий того, кто пытается лишить его жизни и свободы.

В течение многих столетий еврейский народ жил на чужбине и подвергался унижениям. Жил стиснув зубы. В каком-то смысле («подставь другую щеку») евреи стали большими христианами, чем сами христиане. Но были и другие примеры. Вторая мировая война продемонстрировала не одну лишь покорность евреев — и их героизм, не уступавший древнему, времен восстания Маккавеев и Иудейской войны.

«Я не знал еврея, который не был бы одержим мстью», — говорил Ицхак Цукерман, один из лидеров восстания в Варшавском гетто, выведший через канализацию оставшихся в живых бойцов. Он имел в виду, понятно, тех, кому удалось дожить до конца мировой войны. Во всей Европе их осталось не более трех четвертей миллиона — недобитых узников концлагерей и обитателей гетто, выходцев из еврейских

партизанских отрядов. Можно представить, что они чувствовали, зная, что за Холокост никто так и не был наказан. Именно за Холокост — величайшее преступление в истории человечества. Не наказан по приговору суда.

Адольфа Эйхмана будут судить спустя годы — за то, что под его приглядом были убиты миллионы людей, и Ицхак Цукерман станет свидетельствовать на том процессе. Но это потом, а тогда, сразу после войны ни Нюрнбергский трибунал, ни национальные суды, рассматривая дела нацистов, никак не выделяли это беспримерное злодеяние, составлявшее неотъемлемую суть нацизма. И законы, действовавшие в то время, не были приспособлены, не было и судей, способных призвать за него к ответу.

Копаясь в поисках золота близ крематориев лагеря смерти Аушвиц-Биркенау, мародеры нередко натыкались на флажки или бутылки, внутри которых были рукописи на непонятном языке. В одной из них, принадлежащей греческому еврею Марселю Наджари, были такие слова: «Я не о том жалею, что умираю, а о том, что не смогу отомстить так, как я этого хочу и как могу...» Он был одним из членов «еврейской зондеркоманды», кого нацисты заставляли ассистировать себе в процессе массового, «промышленного» уничтожения евреев, и которые 7 октября 1944 года подняли восстание и уничтожили один из крематориев. И на тот случай, если он умрет, не отомстив, Наджари перекладывал этот долг на других.

Эта книга — о людях, взваливших на себя ношу возмездия. Начинается она с рассказов об Абе Ковнере и Григории Герчике. Они были ровесниками, оба родились в 1918 году, в Восточной Европе, той ее части, которую историк Тимоти Снайдер окрестил, и не без оснований, кровавыми землями. Один из них был сионистом, другой — коммунистом. Аба

Ковнер, руководитель подполья в Вильнюсском гетто, создал группу диверсантов-мстителей для расправы с затаившимися в Европе эсэсовцами и, кроме того, строил планы коллективной мести немцам, по счастью, неудавшиеся. Григорий Герчик, советский диверсант, совершивший за войну восемь (!) успешных рейдов за линию фронта, принадлежал к числу мстителей-одиночек — после безуспешной попытки привлечь к ответу убийцу его родителей прилюдно разрядил в него свой маузер.

Об Абе Ковнере у нас в стране долгое время вообще ничего не знали. Так, доходили какие-то слухи. Главный раввин России Адольф Шаевич говорил мне, что, услышав когда-то от одного из верующих рассказ о его подвигах, засомневался, как такое вообще было возможно. Правда, в самиздате в 70-е годы ходил перевод книги «Выкованные в ярости» (журнал «Евреи в СССР»), написанной бывшим корреспондентом ВВС в Иерусалиме Майклом Элкинсом. Он открыл миру невероятное — существование организации евреев-мстителей, о которой узнал, встретившись в Израиле с Ковнером и несколькими из его соратников. Те, однако, не слишком-то перед ним раскрылись. Майклу Коэну, двоюродному брату соратницы Ковнера Ружки Корчак, и историку Дине Порат, уже в нашем веке, когда еще были живы одиннадцать мстителей, удалось в большей степени их разговорить, а Витка Кемпнер, вдова Аббы Ковнера, передала Дине оставшуюся после его смерти папку с документами группы «Накам» («Мечь»). До русскоязычного читателя книги Майкла Коэна и Дины Порат не дошли, как и опубликованные в 1998 году воспоминания ковнеровского соратника Иосифа Хармаца.

Что же касается Григория Герчика, чье имя вовсе у нас не известно, а в мире — тем более, то его краткую биографию я обнаружил в материалах сайта «Еврейские земледель-

ческие колонии Юга Украины и Крыма», собранных Яковом Пасиком из Канады. Уроженцем одной из этих колоний, той же, что и Герчик, был Аркадий Вайспапир, герой Собибора, с которым мне посчастливилось встретиться и услышать из первых уст рассказ о восстании в лагере смерти.

Связь с Собибором обозначилась еще раз, когда я узнал, что автор первой, изданной в 1964 году книги о его героях «Возвращение нежелательно», писатель Валентин Томин (Тальман) переписывался с Герчиком. Тот переслал ему страницы своих воспоминаний, написанных в 1977 году в Риге и в начале 1990-х набранных «на компе одним пальцем» в Калифорнии. Эта рукопись, все еще не опубликованная, хранится в архиве Российского центра «Холокост», руководитель которого Леонид Терушкин дал мне возможность с нею ознакомиться. Какие-то еще крупницы его жизни отражены в опубликованных донесениях и других документах прославленной войсковой части 9903, где служил Герчик, из обрывочных воспоминаний его командира Артура Спрогиса, сослуживцев и бойцов возглавляемой им диверсионной группы Михаила Гаврика, Аркадия Винницкого, Андрея Ждановича, Даниила Селиванова.

Даже странно, что столь удивительные судьбы прошли мимо общественного сознания, и стремление этих людей к справедливости и мести, отчасти реализованное, им никак не отрефлектировано. И это при том, что история Холокоста, казалось бы, всесторонне изучена. Между тем эта ее пропущенная страница сама по себе интересна еще и тем, что совсем не типична для современной истории. Разве что для истории древней или, скорее, для древних легенд. Мечь, в отличие от мировой литературы, в число главных сюжетов которой она по праву входит, в мировой истории встречается не так уж часто.

Так что я никак не мог пройти мимо этих двух судеб. Потом они обросли историями других мстителей, которыми тоже захотелось поделиться с читателем. В их числе Яков Мейдад, организовавший расправу над латвийским коллаборационистом Гербертом Цукурсом, партизаны брата Бельские. Последних часто поминают в прессе, особенно с тех пор, как внук двух спасенных ими людей — Джаред Кушнер — стал зятем Дональда Трампа. Тем не менее, немало малоизвестных подробностей я узнал из неопубликованных у нас воспоминаний одного из братьев и других материалов, любезно предоставленных мне Тamarой Вершицкой, создателем Музея еврейского сопротивления в белорусском Новогрудке.

Хотелось бы выразить глубокую благодарность всем названным мною людям, а также Юрию Домбровскому, Александру Кнопу и Раисе Фоминой, без помощи которых эта книга могла бы и не увидеть свет.

На страницах книги читатель встретится с поразительными совпадениями и пересечениями ее персонажей друг с другом и другими известными людьми. Такими, как неожиданная встреча в летнем Вильнюсе 1944 года Абы Ковнера с танкистом Иной Дегеном, автором лучшего, на мой взгляд, стихотворения о войне («Мой товарищ в смертельной агонии...»). А еще оказалось, что Освальд Руфайзен провел один зимний день того же 1944 года в партизанском лагере Бельских. Я уж не говорю о том, что Григорий Герчик был хорошо знаком с Аркадием Вайспапиром, как выяснилось после недавнего разговора с его сыном Вадимом.

В меньшей степени взяться за эту тему меня подвигли события 7 октября 2023 года. Собственно, случившиеся в тот день зверства мало чем отличались от самых жестоких злодеяний нацистов, а в чем-то и превзошли их. Тысячи вторг-

шихся в Израиль террористов действовали согласно четкому распределению ролей — одни, боевики «Нухба», убивали (около 1200 жертв), перед этим насилуя, другие — бойцы «Бригад Изз ад-Дин аль-Кассам» похищали заложников (угнан 251 человек), третьи, представлявшие «Исламский джихад» и «мирных жителей Газы», грабили и жгли, снимая все это на мобильники. Это было самое массовое убийство евреев со времен Холокоста, после которого, правда, случались еврейские погромы (как в польском Кельце в 1946 году), но число их жертв не шло ни в какое сравнение с 7 октября. По словам историка Павла Поляна, в этот день случилась его, Холокоста, реинкарнация. Ответные действия со стороны евреев на этот раз не заставили себя ждать, хотя мир, как ни удивительно, не признал за ними права на возмездие.

... Тема Холокоста и возмездия за него волнует меня с малых лет, с момента, когда мне стало известно о гибели бабушки по отцовской линии от рук пособника-полицая. Правда, историческими изысканиями я занялся много позже, но они так затянули, что уже не смог остановиться. Если ты сюда погружаешься, все остальное кажется тебе куда менее актуальным. Особенно если ты относишься к поколению, родившемуся, можно сказать, в тени Катастрофы.

Погрузился я в эту бездну не сразу. Помимо исторических трудов, пришлось перелопатить тысячи страниц архивных уголовных дел, дабы хоть немного приблизиться к пониманию чувств жертв Холокоста и особенно тех из них, кто оказался способен на сопротивление своим мучителям («Полтора часа возмездия», «Собибор, послесловие»). Изучение документов военных лет помогло писать о гитлеровских карателях («Его повесили на Площади победы») и их пособниках («Коротким будет приговор»). Наконец, пришел черед рассказать о мстителях за Холокост, ничего не забывших

и никому не простивших, поначалу бывших его жертвами, а потом натянувших на себя самодельную судейскую мантию, которая одновременно послужила мантией палача.

Герои моего нового повествования не относятся к тем «охотникам за нацистами», кто выслеживал тех для передачи в руки правосудия. Они сами брали на себя и суд, и рассуд, и исполнение приговора, всегда с единственной известной им мерой наказания — смертью. Смерть за смерть — только таким в их глазах могло быть возмездие.

И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон..
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой..

*(Из неоконченной поэмы
Александра Блока «Возмездие»)*

«МЫ, МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ...»

Аба (Абба, Абель) Ковнер родился 14 марта 1918 года в семье торговца кожами Исроэля Ковнера в местечке Ошмяны в полусотне километров от Вильно, где будет учиться — сначала в гимназии, а потом — на факультете искусств Виленского университета. Правда, сам он на исходе жизни скажет, будто родился в Севастополе, и этот город выбит на его надгробном камне, но архивные данные свидетельствуют об ином. Впрочем, не исключено, что его родители в начале Гражданской войны покидали Ошмяны на время. А может, будучи поэтом, воображал себе собственное детство не в скучном местечке с его кожевенной мануфактурой, а на берегу Черного моря.

Уже в середине XVIII века в Ошмянах, находившихся на торговом пути в Великом княжестве Литовском, существовала крупная еврейская община с синагогой и кладбищем, остатки которого сохранились до наших дней. А уж Вильно, где в XVIII веке жил Виленский Гаон (Гений из Вильно) Элиягу бен Шломо Залман, и вовсе был духовным и интеллектуальным центром евреев северо-востока Европы, Северным Иерусалимом, с сотней синагог, самая большая из которых вмещала две тысячи прихожан. Здесь находилась Виленская иешива, куда стремились молодые люди со всего мира, желавшие изучать еврейскую традицию.

Аба Ковнер считал себя атеистом, но, как говорила его соратница Рахиль Марголис, «обеими ногами стоял в еврействе. Такие слова-понятия, как “нация”, “еврейские традиции”, “еврейский народ” были для него живыми, полными глубокого смысла». В социалистическом кибуце Эйн-Хахореш, где он проведет последние три десятилетия своей жизни, о нем скажут: «Он хотел надеть на кибуц кипу».

В юности Ковнер увлекся сионизмом, основатели которого, как известно, от иудаизма дистанцировались. И одновременно — марксизмом. И то и другое исповедовало созданное в 1916 году молодежное движение «Хашомер хацаир» («Молодая гвардия»), к которому он примкнул. В 1939 году движение насчитывало по всему миру 70 тысяч человек. Это был некий аналог скаутских организаций, отличающийся от своего прообраза тем, что «хашомеры» в летних лагерях и кружках готовили еврейскую молодежь к переселению в землю обетованную, Страну евреев (так в дословном переводе на русский звучит Эрец-Исраэль), в то время называвшуюся Палестиной.

«Он носил длинные волосы и одевался как старшие члены “Хашомер Хацаир”, с воротником рубашки, выпущенным поверх пиджака, широкие брюки, заправленные в носки, а в последующие годы и в ботинки, — вспоминала его жена Витка Кемпнер. — На нем было синее пальто, застегнутое на все пуговицы, из тех, что назывались “сталинками”. Почему так? Да потому что “молодогвардейцы” готовились к тому, чтобы построить социализм на “исторической родине”». Так оно в конечном итоге и выйдет — во всяком случае те, кто туда доедут, со временем сыграют ключевую роль в создании кибуцев.

Группа членов «Хашомер хацаир» в Зрец-Израэль

Начиная с 19 сентября 1939 года, когда туда вступила Красная армия, число «хашомеров» в городе Вильно стало пополняться молодыми сионистами, перебежавшими из оккупированных немцами территорий Польши. Из Вильнюса, в августе 1940 года ставшего столицей Советской Литвы, можно было изловчиться уехать в Эрец-Исраэль — через Одессу в Турцию или по Транссибирской магистрали в Японию и оттуда в Шанхай. Само собой, это было непросто, требовались визы. Нескольким тысячам молодых людей удалось получить их благодаря двум человеколюбивым консулам.

ДВА КОНСУЛА (КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ)

Ян Звартендейк торговал товарами фирмы «Филипс» и одновременно исполнял обязанности почетного консула Нидерландов, к тому моменту оккупированных Германией. Он уже начал было собираться к отъезду на родину, когда к нему обратились слушатели вильнюсской иешивы, сообразившие, что при советской власти ее закроют, и вообще скоро Северному Иерусалиму наступит конец. По их просьбе он внес в их паспорта запись, что для въезда в голландскую колонию Кюрасао въездная виза не требуется, умолчав про необходимость получения разрешения тамошнего губернатора. Прослышав об этом, его дом принялись атаковать успевшие убежать от немцев польские евреи, оказавшиеся внезапно евреями советскими. Звартендейк проставил в их паспорта эти псевдовизы (всего больше двух тысяч), рискуя тем, что советская власть в любой момент прикроет лавочку.

Но что дальше? Каким образом можно было добраться до Кюрасао, расположенного в Карибском море? Внезапно оказалось, что можно получить японскую транзитную визу

и выехать из СССР через Японию. Но только при условии покупки билетов на поезд ценой 400 долларов на человека, колоссальные по тем временам деньги — Советской стране была нужна валюта. Деньги счастливымчикам помогли собрать еврейские организации, а японские транзитные визы выдавал японский консул Тиунэ Сугихара. Когда у него кончились бланки, выписывал иероглифы от руки, торопился, поскольку иностранные дипломаты, пребывавшие в Литве, должны были срочно покинуть СССР. Никто из облагодетельствованных им до Кюрасао так и не добрался, осели временно в Шанхае, оттуда рассеялись по миру, их потомки живут сейчас в Америке и Израиле.

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ПОНАРЫ»

Аба Ковнер, став к тому моменту одним из лидеров «Хашомер хацаир», не мог бросить свою паству. Юные сионисты продолжали изучать иврит и готовить себя к строительству в Палестине социалистического общества, невзирая на то, как страна победившего социализма загоняла их в подполье. Правда, впоследствии Ковнер признавал, что этот опыт нелегальной деятельности ему пригодился. Как «пригодилась» высылка тем семи тысячам евреям, оказавшимся среди нескольких десятков тысяч литовцев, объявленных «врагами народа». В июне 1941 года, за неделю до германского вторжения, из Литвы стали высылать в Сибирь «социально опасных», и в их числе участников «Хашомера», особенно тех, кто подал заявление на выезд, но уехать не успел. Им повезло — оставшись, они неминуемо стали бы жертвами гитлеровцев. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

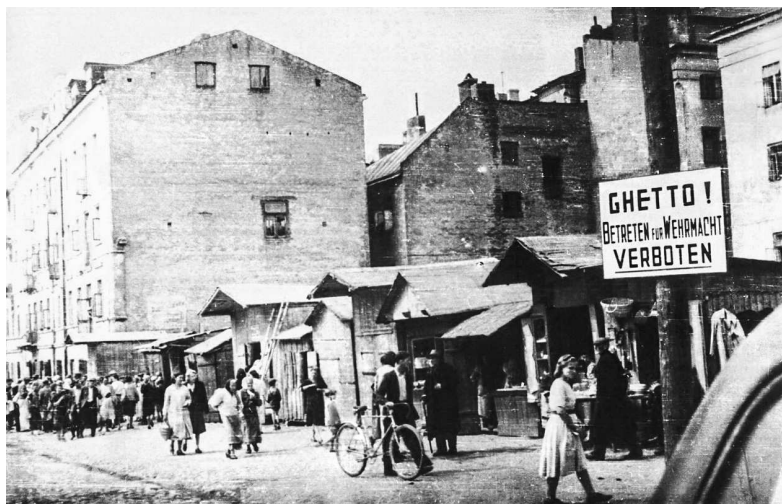
22 июня 1941 года многие вильнюсские евреи влились в колонны беженцев на восток, откуда не были остановлены бомбардировками. Тех же, кто ушли с главных дорог на проселочные, встретили вооруженные отряды литовцев.

«Очень многих выдают крестьяне, у которых измученные зноем беженцы просили крова или глоток воды, — вспоминала Ружка Корчак, подруга и соратница Аббы в своей книге “Пламя под пеплом”, к страницам которой я еще не раз буду обращаться. — Со злорадной ухмылкой хуторяне передают немцам “еврейских коммунистов” (по их понятиям, каждый еврей — коммунист)».

В Литве начали убивать евреев до прихода немцев, и по степени вовлеченности в Холокост ее жители опередили всю Европу. В отличие от других оккупированных стран, массовые казни евреев в Литве начались с первых же дней вторжения. Их жертвами стали 215 тысяч человек — 95 процентов довоенного еврейского населения.

7 сентября 1941 года евреи Вильнюса были заперты в двух тесных гетто — Большом и Малом, в так называемых «семи переулках». «Каждая улица — город», как говорил Ковнер. «В любой из комнатшек гетто живет по десять — пятнадцать душ, — рассказывала Ружка Корчак. — Люди спят в подвалах, на чердаках, на лестничных клетках. Дети, старики, совершенно чужие друг другу, случайные люди ютятся в одном помещении. В двух-, трехкомнатной квар — сбивается несколько десятков человек, по десять семей и более».

Той осенью в Вильнюс — для спасения активистов-сионистов — приехала Ирена Адамович, активистка польского скаутского движения. Она привела Ковнера и его товарищей в расположенный недалеко от города доминиканский монастырь, окруженный высокой стеной с железными воротами. Это была небольшая обитель с девятью монахинями

Гетто в Вильнюсе

во главе с настоятельницей Анной Борковской, которую беглецы называли Има («мать» на иврите). Скоро в кельях их стало больше, чем тамошних законных обитательниц. Все они (15–20 человек) усердно трудились на монастырских полях, ходили за скотом. Ружка Ковнер вспоминает, как беспокоились, «чтобы не попался Аба с его еврейским носом», потому ходивший под монашеским капюшоном. Аба «очень плохо выглядел» — так в период нацистской оккупации поляки говорили о людях с выраженной семитской внешностью.

За стенами монастыря творилось нечто ужасное. Из «Большого гетто» и, особенно, из «Малого», куда разместили тех, кого нацисты считали «негодными к труду», включая значительную часть вильнюсской интеллигенции, людей периодически куда-то увозили. Вскоре выяснилось, что увозили недалеко — на железнодорожную станцию Понары. Многие полагали, что их оттуда развозят поездами на рабо-

ту. Но это было не так — в лесу за станцией людей расстреливали.

Аба оставил в гетто девушку, с которой они были вместе четыре года. Хадасса Каменицкая (ей был 21 год) отказалась оставить мать. Когда он узнал, что ее увезли в Понары, двое суток пролежал на скамейке в глубоком горе и долгое время после этого не брился.

Как в монастыре узнали о Понарах? Предоставлю слово самому Ковнеру. Сохранилась четырехчасовая запись его рассказа, сделанная знаменитым документалистом Клодом Ланцманом в сентябре 1979 года в кибуце Эйн-Ха-Хореш, где жил Ковнер.

«В Виленском гетто была больница. В ней работали святые люди, чьей главной задачей было скрывать от немцев случаи эпидемий. Немцы, если бы они узнали о случаях заболевания тифом, они бы сразу уничтожили гетто. Однажды наш связной, работавший в этой больнице, сказал, что у них лежит раненая девочка, которая обязательно хочет со мной поговорить. Я встретился с этой девочкой. Ей было лет 11, она была в Понарах. И это было первое свидетельство от первого лица о том, что там происходит. Она не видела в Понарах барачков, улиц, только рвы. Всех, привезенных с ней, расстреляли. Ее расстреливали вместе со всеми, но она, раненая, упала в ров и ночью оттуда выбралась, дошла до деревни, а оттуда в гетто в городе».

В самом гетто ходили слухи на этот счет — люди, жившие недалеко от Понар, рассказывали о слышной оттуда стрельбе, и что никому не разрешалось туда приближаться. У каждого внутри скопились вопросы, но не хватало духа задать их вслух. Аба Ковнер их, как нынче принято говорить, озвучил в своем воззвании, написанном в монастыре и прочитанном в холодную новогоднюю ночь 1942 года в Виленском гетто,

под доносившиеся из расположенной по ту сторону ворот Церкви Всех Святых звуки органа.

«Где они, те сотни мужчин, которые были уведены литовцами для отправки на работу? — вопрошало воззвание. — Где они, те женщины и дети, которых полуголыми увезли от нас в ту страшную ночь первой резни? Куда делись все евреи, уведенные из синагог в день Йом Кипур?»

И это были не риторические вопросы, они требовали ответа.

«Из восьмидесяти тысяч виленских евреев уцелело всего двадцать. На наших глазах увели наших родителей, братьев, сестер... Всякий, кто был выведен за ворота гетто, больше не возвращался. Все дороги ведут в Понары. А Понары — это не лагерь... Понары — это смерть!»

Был в его возвании и ответ на вопрос, что же делать.

«Не пойдем, как овцы, на убой! Да, мы слабы и беззащитны, но единственный ответ врагу — это сопротивление! Братья! Лучше пасть в бою как свободные люди, чем жить по милости убийц».

И было еще одно — сделанное им умозаключение, на тот момент вовсе не очевидное. Ковнер первым понял, что за массовыми убийствами в Понарах стоит план уничтожения всего еврейского народа.

«Гитлер стремится уничтожить всех евреев Европы. Евреи Литвы должны, по его замыслу, стать первыми в очереди». Как Аба пришел к этому выводу?

«Мог ли я написать это воззвание, если бы жил в гетто, а не в укрытии? Я часто об этом думал после войны. Чтобы увидеть всю картину происходившей катастрофы, нужна была перспектива. У меня не было перспективы времени, но была перспектива места, дистанция... Еврей всегда знал, что ответ на преследования — побег. Никогда раньше

не было такого, чтобы преследуемый еврей не мог взять свой посох и бежать в другую страну. Первый раз в еврейской истории побег не поможет. Бежать некуда! Ни в географическом смысле — в другую страну, ни в духовном — сменить веру, принять христианство».

Когда Аба зачитал свое воззвание в гетто — в маленькой комнате, куда набилось 20 человек молодежи — «первая часть не вызвала никаких вопросов. Все были согласны, что Понары — это кладбище виленского еврейства. Все, кто не здесь, лежат там. Вторую часть молодежь — со всей страстью юности — тоже восприняла: надо сопротивляться». Пусть даже они не были к борьбе подготовлены, ведь, как сказал после чтения возвания один из активистов «Хашомер», «вся наша жизнь, все наше воспитание до сих пор были посвящены только одному — воссоединению с землей наших предков Эрец-Исраэль».

Сомнения у присутствующих вызвала та часть возвания, где говорилось о гитлеровском плане убить всех евреев. Тем более, в те же дни от прибывшей в Вильнюс подпольщицы из Варшавского гетто они узнали, что там все иначе: гетто существует уже два года, в нем полмиллиона евреев, есть голод, болезни, но нет массовых убийств.

Да, в Понарах убивают, но это местная инициатива садистов из оккупационных властей, — говорили одни. Это месть за сотрудничество с Советами, — полагали другие. К слову, отмечу, что среди активно сотрудничавших с Советами не было недостатка и в этнических литовцах, тогда как процент евреев в аппарате новой власти был относительно невелик — в отличие от их высокой доли в 34-тысячной толпе депортируемых в Сибирь в июне 1941 года «буржуазных националистов».

«Я не мог принять той мысли, что происходящее в Вильно касается только Вильно, не мог понять логику этого. Я не мог себе представить, что немцы могут устроить такое только в качестве мести за сотрудничество с Советами. И я вспомнил, что еще перед оккупацией прочитал Mein Kampf, и понял, что написанное там — это план, и этот план сейчас приводится в действие».

Надо было избавить людей от иллюзий. Тем более они сознательно поддерживались немцами и прислуживающим им юденратом. «Еврейская молодежь, не доверяй тем, кто тебя обманывает!»

«Никто из нас, — писала Ружка Корчак, — не осмелился сказать это». Остальные, присутствовавшие на встрече, позже рассказали, что эта мысль просачивалась в их сознание по капле.

После встречи Ковнер остался в гетто и покинул его только через два года, уйдя в лес, чтобы присоединиться к партизанам. Копии воззвания, написанного им на идише и переведенного на иврит, польский и литовский языки, были переданы в десятки других гетто Восточной Европы.

ОРУЖИЕ

В том же январе 1942 года в гетто была создана «Объединенная партизанская организация» (ФПО — «Ферейнигте партизанер организацие»), объединившая и коммунистов, и сионистов, и бундовцев. Подпольщики решили назвать себя партизанами, но воевать в гетто, а не в лесах, где на тот момент никаких партизан еще не было. Да и в самом Вильно другого подполья тоже еще не существовало. «Мы хотели воевать в лесах, — вспоминала Хина Боровская, — а Ковнер